

УДК 327-057.54

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1007-1017

EDN VPQEND

Оригинальное исследование

Экспертная дипломатия на Украине: концептуальный подход и текущие задачи

Онопко О.В.

Донецкий государственный университет,

Россия, 283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24

E-mail: o.onopko@donnu.ru

Аннотация. На основании синтеза отдельных положений теорий эпистемных сообществ П. Хааса, критической геополитики Дж. О’Тоала и секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера автором определены особенности применения экспертной дипломатии на Украине. Установлено, что в стране к ней сформировался свой особый концептуальный подход. Он исходит главным образом из необходимости противостоять России всеми возможными способами, основывается на принципах сетевой организации и автономности внешнеполитической экспертизы от государства. Тем не менее в интересах правящего режима украинские эксперты, аналитические центры и другие экспертные структуры содействуют его международной коммуникации и легитимности принимаемых им внешнеполитических решений, участвуют в развитии международных экспертных сетей, формируют геополитическую картину мира будущих украинских и зарубежных экспертов. Всё это свидетельствует о том, что экспертная дипломатия Украины представляет угрозы для России, которые ещё предстоит изучить. Кроме того, автором доказано, что экспертная дипломатия является самостоятельным направлением дипломатии второго трека, совокупностью каналов международно-политического взаимодействия экспертов и экспертных структур, применяемых для решения внешнеполитических задач государств, а потому отождествление экспертной дипломатии и дипломатии второго трека, распространённое в дискурсе российской политической науки, является не вполне корректным.

Ключевые слова: экспертная дипломатия, дипломатия второго трека, внешнеполитическая экспертиза, внешняя политика Украины

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Онопко О.В. 2025. Экспертная дипломатия на Украине: концептуальный подход и текущие задачи. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 1007–1017. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1007-1017. EDN: VPQEND

Expert Diplomacy in Ukraine: Conceptual Approach and Current Tasks

Oleg V. Onopko

Donetsk State University,

24 Universitetskaya St., Donetsk 283001, Donetsk People Republic, Russia

E-mail: o.onopko@donnu.ru

Abstract. Drawing on a synthesis of key elements from P. Haas’s theory of epistemic communities, G.O’Tuathail’s critical geopolitics, and B. Buzan and O. Wæver’s securitization theory, the author examines the distinctive features of expert diplomacy in Ukraine. The study finds that the country has developed its own unique conceptual approach to this practice. This approach is rooted primarily in the perceived necessity to counter Russia by all available means and is built on principles of network-based organization and the autonomy of foreign policy expertise from the state. Nevertheless, in service to the ruling regime, Ukrainian

experts, think tanks, and other expert organizations contribute to its international outreach and the legitimization of its foreign policy decisions. They also participate in expanding international expert networks and shape the geopolitical picture of the world of young Ukrainian and foreign experts. These findings suggest that Ukraine's expert diplomacy poses significant threats to Russia – threats that remain understudied. Furthermore, the author demonstrates that expert diplomacy constitutes a distinct form of Track Two diplomacy, representing a set of channels for international political engagement among experts and expert institutions used to advance states' foreign policy objectives. Consequently, the conflation of expert diplomacy with Track Two diplomacy, which is typical of Russian political science discourse, proves analytically imprecise.

Keywords: expert diplomacy, Track Two diplomacy, foreign policy expertise, foreign policy of Ukraine

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Onopko O.V. 2025. Expert Diplomacy in Ukraine: Conceptual Approach and Current Tasks. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 1007–1017 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1007-1017. EDN: VPQEND

Введение

Характер современных российско-украинских отношений последних лет, наличие прямого вооружённого конфликта между двумя странами и отсутствие каких-либо значимых предпосылок к его прекращению свидетельствуют о том, что в долгосрочной перспективе Украина будет являться источником множества военных и гибридных угроз для России. Это обуславливает необходимость более глубокого понимания её образа действий [Хрусталёв, 2008, с. 47] в международной среде, а также тех методов и средств, которые используются украинскими властями для достижения своих внешнеполитических целей. Одним из таких средств является экспертная дипломатия.

Авторы доклада Российского совета по международным делам «Публичная дипломатия России в эпоху Covid-19» (2021 г.) Н.В. Бурлинова, М.С. Чагина и В.С. Иванченко определяют её как «одно из направлений публичной дипломатии, в которое вовлечены исследовательские институты (think tanks) и индивидуальные эксперты. Их задача состоит в налаживании диалога с зарубежными целевыми группами (главным образом, с экспертами) по линии внешней политики, экономики, безопасности. Совместная работа с иностранными экспертами, молодыми лидерами, дипломатами и журналистами – одно из ключевых направлений системы публичной дипломатии» [Бурлинова и др., 2021, с. 10].

Объект и методы исследования

Украинская экспертная дипломатия чрезвычайно фрагментарно изучена в современной политической науке. В частности, на Украине отдельных аспектов данной темы касаются работы А. Атаманенко [Atamanenko, Martyniuk, 2022], Зварыча [Зварич и др., 2023], Т. Мадрыги [Мадрига, Круглюк, 2025], М. Мироновой [Миронова, 2023], Т. Моисеевой [Моисеева, 2023], А. Романенко [Романенко, 2014], А. Халецкой [Халецька, 2023] и др. В российской политической науке исследования экспертной дипломатии Украины отсутствуют, а в западной они представлены главным образом работами В. Аксёновой и её соавторов К. Ложки [Ахуопова, Lozka, 2024] и Ф. Шёппнера [Ахуопова, Schöppner, 2018], дающими достаточно подробное представление о международно-политической активности украинских экспертов и аналитических центров в условиях сначала гибридного, а затем непосредственного вооружённого столкновения с Россией. При этом комплексного анализа украинской экспертной дипломатии как одного из факторов, влияющих на реализацию внешней политики Украины, так и не было проведено.

Принимая это во внимание, автор стремился выявить специфику применения экспертной дипломатии на Украине, для чего был использован синтетический теоретико-методологический подход на основе теорий эпистемных сообществ П. Хааса [Haas,

1992], критической геополитики Дж. О’Тоала [Tuathail, Agnew, 1992] и секьюритизации В. Бузана и О. Уэвера [Buzan et al., 1998]. Согласно ему, экспертную дипломатию следует рассматривать как форму участия отдельных экспертов и структур внешнеполитической экспертизы (научно-исследовательских институтов, аналитических центров, частных исследовательских и консалтинговых компаний, экспертных платформ и т. п.) в формировании и реализации внешней политики государства. Объединённые общими геополитическими представлениями, ценностями, идеологическими установками и политическими практиками эксперты и экспертные структуры представляют собой эпистемное сообщество в сфере внешней политики и международных отношений. Действуя на над- и межгосударственном уровнях политики, они через свои профессиональные и личные международно-политические контакты обеспечивают поддержку внешнеполитического курса своей страны, а также секьюритизируют образы её противников и связанные с ними вопросы.

Исходя из вышеуказанного подхода, были поставлены и в дальнейшем решены следующие задачи: проанализировано понятие «экспертная дипломатия» и представлена авторская точка зрения на его соотношение с понятием «дипломатия второго трека»; определены концептуальные особенности применения экспертной дипломатии на Украине; установлены и проанализированы задачи, которые в настоящее время выполняет украинская экспертная дипломатия.

Результаты и их обсуждение

Теоретизация вопросов экспертной дипломатии началась в недрах западной политической науки. Ещё в 1981 г. Дж. Монтвиль и У. Дэвидсон ввели в мировой политический и политологический дискурсы термин «дипломатия второго трека» (track two diplomacy). В своей ставшей впоследствии классической работе «Внешняя политика по Фрейду» они определили дипломатию второго трека как «неофициальное, неструктурированное [международно-политическое – примечание моё, О.О.] взаимодействие. Оно всегда открыто, часто альтруистично и, по словам [Герберта – примечание моё, О.О.] Кельмана, стратегически оптимистично, основано на анализе наилучшего варианта развития событий. Его базовое предположение заключается в том, что реальный или потенциальный конфликт может быть разрешен или смягчен путем обращения к общим человеческим возможностям реагировать на добрую волю и разумность» [Davidson, Montville, 1981, с. 155]. В дальнейшем под дипломатией второго трека стали понимать международно-политический «процесс [, который – примечание моё, О.О.] осуществляется через диалог и обмен мнениями между представителями гражданского общества, академиками, экспертами, бывшими дипломатами и другими влиятельными лицами, не обладающими официальным статусом переговорщиков. Основная цель такой дипломатии – содействовать решению конфликтов, снижению напряжённости и формированию доверия между сторонами вне традиционных каналов официальной дипломатии» [Аликберов, Нумкин, 2024, с. 103].

В рамках концепции дипломатии второго трека (комплексный и чрезвычайно подробный обзор научных публикаций, существующих в мировой политической науке по данной теме, был подготовлен Дж. Палмиано-Федерер в 2021 г. [Palmiano Federer, 2021]) в российской и в целом постсоветской политической науке стал активно применяться термин «экспертная дипломатия», который в разных аспектах используется в работах Б.Х. Бахриева [Бахриев, Рустамова, 2020], С.В. Генюша [Генюш, 2012], Ю.И. Леонова [Леонов, 2021], Р.С. Мухаметова [Мухаметов, 2018], С.С. Сулакшина [Сулакшина, Генюш, 2013], С.А. Таиповой [Таипова, 2022], А.А. Хаткевича [Хаткевич, 2021], Н.В. Шевчук [Шевчук, 2023а, 2023б] и др. И хотя многие вышеперечисленные и другие исследователи склонны отождествлять экспертную дипломатию и дипломатию второго трека, автору представляется целесообразным всё же сепарировать данные понятия и обозначенные ими явления.

Во-первых, важнейшее значение здесь имеет проблема субъектов неформальных международных политических контактов. В частности, С.В. Генюш выделяет достаточно

широкий и неоднородный круг действующих лиц экспертной дипломатии (дипломатии второго трека), к которому, по его мнению, относятся «эксперты в различных областях (политологи, социологи, экономисты, журналисты), НПО, мозговые центры, бывшие политики и военные, видные общественные деятели, представители религиозных и культурных кругов» [Генюш, 2012, с. 16]. При этом данные субъекты, кроме опыта и личного влияния на международно-политические процессы и внешнюю политику своих государств, имеют между собой мало общего. Объединение их под статусом экспертов является не вполне логичным.

Для того чтобы определить, каких именно действующих лиц можно относить к кругу субъектов экспертной дипломатии, необходимо, прежде всего, обратиться к сути такой категории, как эксперт. Как отмечал М.А. Хрусталёв, «в качестве исходного требования к эксперту выступает компетентность, то есть наличие большого объёма специальных знаний, ибо эксперт – это, прежде всего, высококвалифицированный специалист в определённой предметной области. Однако только этого для эксперта-политолога недостаточно. В силу комплексной природы политики ему необходимы также достаточно серьёзные знания в ряде смежных областей (экономика, право, военное дело). Таким образом, потенциал компетентности эксперта-политолога включает две составляющие: профильную и сопряжённую» [Хрусталёв, 2008, с. 186] – т. е. действующие лица неформальных международных политических контактов, не являющиеся носителями специальных знаний и не обладающие необходимой квалификацией, не могут считаться субъектами экспертной дипломатии. В свою очередь, если это гражданские активисты, деятели культуры, науки и религии и др., они являются участниками в широком смысле публичной дипломатии [Долинский, 2013] или в узком – культурной, научной, религиозной и т. д. Кроме того, как указывает О. Хвостунова, «эксперты возникают из сплава ученого-специалиста и интеллектуала. У них есть два способа влияния на политику, через непосредственные контакты политическим акторами или через участие в публичном политическом дискурсе через влияние на общественное мнение» [Хвостунова, 2006, с. 106], т. е. возможности оказывать влияние на внешнюю политику государства и (или) участвовать во внешнеполитическом дискурсе [Ярославцев, 2015] являются важными, хоть и дополнительными индикаторами экспертного статуса действующих лиц экспертной дипломатии.

Таким образом, экспертная дипломатия предполагает участие исключительно высококвалифицированных специалистов, обладающих глубокими знаниями в конкретных областях (политика, экономика, безопасность и др.), а также способностью влиять на внешнеполитический дискурс своего государства. В отличие от этого, дипломатия второго трека включает в себя не только экспертов, но и более широкий круг действующих лиц (например общественных деятелей, религиозных лидеров, бывших политиков), которые могут не обладать экспертной компетенцией, но при этом иметь влияние или опыт в международных процессах. Фактически экспертная дипломатия является более узкой и специализированной частью дипломатии второго трека.

Во-вторых, экспертная дипломатия фокусируется на установлении связей, основанных на профессиональном сотрудничестве между экспертами и экспертными структурами из разных государств, а также на интересе к их оценкам международно-политической действительности, находящем отражение в научных и аналитических продуктах, и к их рекомендациям по выработке решений по конкретным внешнеполитическим вопросам. Её методы включают в себя проведение научных и экспертных мероприятий (форумов, конференций, встреч, экспертных панелей, стратегических сессий, круглых столов и др.), совместных научных и прикладных политических исследований, экспертных дискуссий, а также стратегическое прогнозирование. В то же время дипломатия второго трека в целом направлена на создание неформальных каналов коммуникации для снижения напряжённости и построения доверия между сторонами, что не всегда требует участия экспертов, учёных, аналитиков.

В-третьих, экспертная дипломатия связана с институциональными структурами, в частности входящими в систему внешнеполитической экспертизы аналитическими центрами, университетскими лабораториями, государственными экспертными советами, научно-

исследовательскими институтами, частными исследовательскими компаниями и др. Они способствуют участию своих экспертов в процессе выработки, принятия и реализации решений, их международной активности, а также содействуют легитимации их экспертных оценок. Кроме того, международно-политические контакты экспертов зачастую осуществляются в рамках вполне конкретных форматов (различные научные мероприятия, экспертные панели, сессии, совещания), в то время как дипломатия второго трека не требует ни таких форматов (может осуществляться на уровне личных контактов), ни в целом связи с институтами, а потому остаётся в этом плане преимущественно неформальной и исключительно гибкой, что позволяет ей включать в себя более разнородные группы действующих лиц.

Всё вышесказанное позволяет определить экспертную дипломатию как самостоятельное направление дипломатии второго трека, совокупность каналов международно-политического взаимодействия экспертов и экспертных структур, применяемых для решения внешнеполитических задач государств. В этих условиях внешнеполитическая экспертиза как политическая сеть экспертов и экспертных структур представляет собой одно из ключевых действующих лиц экспертной дипломатии, т. к. именно для экспертов-политологов вопросы международных отношений и внешней политики, международной безопасности, проблемы войны и мира являются профильными.

Украина придает экспертной дипломатии значительную роль. Её целенаправленное осмысление началось после 2014 года в контексте поиска союзников для противостояния с Россией. В 2016 году при поддержке Фонда Фридриха Эберта (нежелательная организация в России) был опубликован программный документ «Экспертная дипломатия как составляющая истории успеха внешней политики»¹³⁴, впервые предложивший её локальную трактовку. Экспертная дипломатия определялась как системное взаимодействие государства с экспертным сообществом для достижения внешнеполитических целей. Данный подход был закреплён в последующих научных работах и в Стратегии публичной дипломатии МИД Украины (2021)¹³⁵, где задачей экспертной дипломатии обозначено продвижение внешнеполитических нарративов, что подразумевает влияние на восприятие других стран, включая формирование негативного образа России.

Анализ научных работ, аналитических докладов и стратегических документов Украины выявляет устойчивые концептуальные основания её подхода к экспертной дипломатии. Этот подход характеризуется несколькими взаимосвязанными принципами.

Первой и определяющей чертой является строгая прагматическая ориентация и конкретность целей. Украинская модель рассматривает экспертную дипломатию не как универсальный инструмент, а как целевое средство решения актуальных внешнеполитических задач. Главный фокус сосредоточен на двух приоритетах: обеспечении международной поддержки в условиях военного конфликта с Россией и содействии евроатлантической интеграции. В первую очередь речь идёт о привлечении военной, финансовой и политической помощи, а также о консолидации и расширении круга союзников. Все прочие потенциальные функции экспертно-дипломатической деятельности, будь то развитие культурного диалога или долгосрочные научные обмены, отодвигаются на второй план и не получают в текущей повестке значимого концептуального развития. Таким образом, подход отличается высокой степенью инструментальности и подчинённостью тактическим и стратегическим императивам национальной безопасности.

Второй основополагающей чертой является принцип автономии экспертного сообщества от государственного аппарата. Украинский подход предполагает минимальное прямое вмешательство официальных институтов в оперативную аналитическую и дипломатическую деятельность аналитических центров и отдельных экспертов. Однако эта

¹³⁴ Экспертна дипломатія як складова історії успіху зовнішньої політики. 2016. Рада зовнішньої політики «Українська призма». URL: https://prismua.org/wp-content/uploads/2016/05/expert_diplomacy.pdf.

¹³⁵ Стратегія публічної дипломатії МЗС України 2021–2025. МЗС України. URL: <https://mfa.gov.ua/storage/app/sites/1/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%96%D1%97/public-diplomacy-strategy.pdf>.

автономия носит достаточно ограниченный характер и действует в рамках жёсткого идеологического консенсуса: она гарантирована лишь тем структурам и специалистам, которые разделяют базовые установки украинской националистической идеологии и не оспаривают ключевые внешнеполитические нарративы правящего на Украине режима. В украинской экспертной среде широко распространена убеждённость в стратегических преимуществах подобной модели. Считается, что формальная независимость от государства повышает манёвренность и скорость реакции экспертных структур на изменения в международно-политических процессах. Более того, статус «независимых» аналитиков призван укреплять легитимность и доверие к их оценкам в глазах как внутренней, так и зарубежной аудитории, включая политиков, СМИ и международные организации. Такой подход позволяет украинской внешнеполитической экспертизе преподносить себя в качестве объективного и беспристрастного источника информации, что усиливает эффективность продвижения интересов правящего режима (и национальных – как она их себе представляет) и формирования желаемого восприятия Украины на Западе. Таким образом, автономия становится не самоцелью, а тщательно выверенным инструментом экспертной дипломатии.

Наконец, третьей ключевой характеристикой украинского подхода к экспертной дипломатии является ориентация на сетевые формы организации и активное международное взаимодействие. На Украине предают большое внимание глубокой интеграции национальных экспертов и аналитических центров в глобальные и региональные профессиональные сети. Это воспринимается как стратегический императив. Такая интеграция выполняет двоякую функцию: с одной стороны, это канал для обмена знаниями и повышения компетенций, а с другой – мощный инструмент мягкой силы для формирования благоприятного имиджа страны, прежде всего в европейском и евроатлантическом политическом и экспертном пространствах. Как отмечает исследователь В. Аксёнова, украинские экспертные структуры в условиях конфликта «взаимодействовали как с местной, так и с международной аудиторией и демонстрировали определённую степень вовлечённости в международные сети. Почти все выбранные аналитические центры придерживались проевропейской повестки и активно участвовали в продвижении внутренних реформ и европейского курса Украины» [Ахуопова, Lozka, 2024, с. 7]. Таким образом, экспертная дипломатия становится механизмом усиления влияния через прямое участие в международных дискуссиях, конференциях и совместных проектах, где украинские представители лоббируют национальные интересы и продвигают антироссийскую повестку дня. Наиболее показательным институциональным воплощением этой сетевой стратегии выступает экспертная сеть Крымской платформы. С 2021 г. на её базе систематически проводятся международные форумы, фокусирующиеся на вопросах черноморской безопасности. Эти мероприятия имеют явно выраженную цель: консолидировать международные усилия и разрабатывать скоординированные меры противодействия России в Причерноморье.

Вышеуказанный подход к экспертной дипломатии ведёт к тому, что на Украине она решает следующие основные задачи.

Прежде всего, это содействие международной коммуникации украинских властей. Украинские эксперты участвуют в диалогах с зарубежными коллегами на площадках конференций, форумов, стратегических сессий и круглых столов (например, форум «Ялтинская европейская стратегия», Мюнхенская конференция по безопасности, Черноморская конференция по безопасности, международные экспертные встречи в Каденабии и т. д.). Такие взаимодействия способствуют обмену мнениями, поиску общих решений и снижению напряжённости между государствами. Кроме того, данные площадки используются для трансляции геополитических представлений и синхронизации скриптов геополитических историй (нарративов) [Колосов, 2011], которые присутствуют в экспертных геополитических дискурсах стран, чьи эксперты задействованы в мероприятиях. Высокая концентрация признанных профессионалов в своей сфере, международный статус, научность – всё это также способствует повышению легитимности тех рекомендаций, которые

вырабатываются на такого рода площадках. Особое внимание уделяется продвижению антироссийских нарративов, поиску международной военной и материальной помощи, выработке общих позиций по давлению на Россию.

Украинская экспертная дипломатия активно содействует легитимации внешнеполитических инициатив Киева. Посредством участия экспертов в международных структурах и публичных дискуссиях достигается легитимация действий украинского режима, интересы которого данные эксперты представляют, что особенно важно в условиях текущего масштабного вооружённого конфликта. Апеллируя к экспертному статусу отдельных персон или структур, специализирующихся на вопросах внешней политики и международных отношений, используя их сетевые связи в мировом экспертном сообществе, украинские власти продвигают выгодные им проекты международно-политических решений, например, о передаче Украине наступательных вооружений, введении новых санкций против России, о международном признании «геноцида украинцев»¹³⁶ и т. д. Разумеется, в этих условиях остро встаёт проблема внешнеполитической псевдоэкспертизы [Хрусталёв, 2008, с. 183], но она, вероятно, неизбежна, когда речь идёт об экспертной дипломатии, где эксперты и экспертные структуры по умолчанию действуют как агенты влияния.

На Украине экспертная дипломатия также направлена на развитие международных экспертных сетей. Украинская внешнеполитическая экспертиза, участвуя в международных контактах, способствует созданию и укреплению профессиональных сетей, объединяющих специалистов из разных стран, что упрощает обмен информацией и координацию усилий по решению международно-политических проблем, а также в плане противодействия России. При этом большое значение приобретают неформальные связи между экспертами, установление слаженных рабочих отношений между различными экспертными структурами, консультирующими органы государственной власти. Хороший пример в этом плане – многолетнее сотрудничество украинского Центра Разумкова и шведского SIPRI, которые системно и достаточно плодотворно работают над проблемами международной и региональной безопасности в Восточной Европе. В рамках неформальных сетевых контактов украинские эксперты также участвуют в подготовке и проведении переговоров, предоставляя аналитическую поддержку своим коллегам из других стран (прежде всего Нидерландов, Швеции, США) и предлагая выгодные украинскому режиму варианты решений внешнеполитических вопросов.

Наконец, важными задачами украинской экспертной дипломатии являются обучение и наставничество молодых экспертов, шире – их политическая социализация. Как отдельные украинские эксперты, так и институты внешнеполитической экспертизы активно участвуют в образовательных программах, программах обмена, стажировках, образовательных и научных мероприятиях, готовя новое поколение специалистов в сфере внешней политики и международных отношений, что обеспечивает преемственность и развитие экспертно-дипломатической деятельности, ретрансляцию сформированных геополитических представлений будущим экспертам. Фактически таким образом – через профессиональную и одновременно политическую социализацию – обеспечивается рекрутирование новых членов в эпистемное сообщество украинской внешнеполитической экспертизы, укрепляется лояльность его новых членов, воспитанных на ценностях и геополитической картине мира своих наставников. На Украине к структурам, активно участвующим в подготовке будущих специалистов, можно отнести Национальный институт стратегических исследований, Международный центр перспективных исследований, Школу политической аналитики Киево-Могилянской академии, Центр Разумкова, Центр международной безопасности и партнёрства, Центр региональной безопасности. Все они достаточно успешно работают с украинскими и зарубежными молодыми экспертами, транслируют им как украинские геополитические нарративы, так и нарративы

¹³⁶ Работіна Єлізавета. Геноцид українців: докази, наслідки та заклик до лідерів світу діяти: Пресконференція на тему «Докази геноцидного характеру російської агресії». 2025. Міжнародний центр української перемоги. 20.02. URL: <https://ukrainianvictory.org/uk/publications/henotsyd-ukraintsiv-dokazy-naslidky-ta-zaklyk-do-lideriv-svitu-diiaty/>.

западных союзников Украины. Например, действующая при Центре Разумкова интернатура при поддержке Программы содействия общественной активности «Присоединяйся!» ведёт работу, которая финансируется Агентством США по международному развитию¹³⁷.

Заключение

Проведённый выше анализ свидетельствует о том, что на Украине внешнеполитическая экспертиза является важным действующим лицом политических процессов. Она не только обеспечивает научно-аналитическое сопровождение деятельности органов власти и других политических институтов, действуя внутри государства, но и работает на внешнем контуре, участвуя в экспертной дипломатии, к которой в стране сформировался свой концептуальный подход. Он исходит из актуальных международно-политических реалий (главным образом из необходимости противостоять России всеми возможными способами), основывается на принципах сетевой организации и автономности внешнеполитической экспертизы от государства. Это не мешает украинским экспертам и экспертным структурам содействовать внешней политике, проводимой правящим режимом, поскольку объединённые с ним геополитическими представлениями, националистической идеологией и ценностями, они действуют синхронно, выполняя необходимый спектр задач. Будучи хорошо организованным эпистемным сообществом, украинская внешнеполитическая экспертиза является главным субъектом экспертной дипломатии. Она вовлечена в процесс выработки и реализации инициированных Украиной внешне- и международно-политических решений, содействует их легитимации, участвует в развитии международной коммуникации своей страны, обеспечивает участие украинских учёных в международных сетях, а также работает над формированием геополитической картины мира будущих как украинских, так и зарубежных экспертов. В нынешнем её состоянии украинская экспертная дипломатия является источником угроз для России, выявление и поиск методов противодействия которым может являться актуальной задачей будущих политологических и прикладных политических исследований в данной сфере.

Список литературы

- Аликберов А.К., Нумкин В.В. 2024. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН. Вестник МГИМО-Университета, 17(4): 101–120. doi 10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120
- Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р. 2020. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии. Вестник Томского государственного университета, 458: 90–100. doi 10.17223/15617793/458/11
- Бурлинова Н., Чагина М., Иванченко В. 2021. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021. М.: НП РСМД, 36.
- Генюш С.В. 2012. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 5, 5: 14–25.
- Долинский А. 2013. Публичная дипломатия для бизнеса, НКО и университетов. Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-dlya-biznesa-nko-i-universitetov/?sphrase_id=202058715 (дата обращения: 12 июля 2025).
- Колосов В.А. 2011. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России. Политическая наука, 4: 31–52.
- Леонов Ю.И. 2021. Экспертная дипломатия аналитических институтов ФРГ и РФ в период с 2014 г.: формы и направления взаимодействия. Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности : сборник работ IX Международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 25–27 марта 2021 года. СПб.: ООО «Скифия-принт»: 312–322.

¹³⁷ Перший випуск Інтернатури Центру Разумкова. 2024. Сайт Українського центру економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. URL: <https://razumkov.org.ua/novyny/pershyi-vypusk-internatury-tsentru-razumkova>.

- Мухаметов Р.С. 2018. Место и роль неправительственных организаций в урегулировании международных конфликтов. *Дискурс-Пи*, 1(30): 65–72. doi 10.17506/dipi.2018.30.1.6572
- Сулакшин С.С., Генюш С.В. 2013. Модель экспертно-дипломатического продвижения национальных интересов. *Геополитика и безопасность*, 1(21): 28–35.
- Таипова С.А. 2022. Особенности и проблемы современной российской дипломатии. *Слово в науке*, 9: 20–23.
- Хаткевич А.А. 2021. Экспертная дипломатия в рамках ШОС и БРИКС. Ломоносов – 2021 : материалы Международного молодежного научного форума, Москва, 12–23 апреля 2021 года. М.: ООО «МАКС Пресс». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_22_22443.htm (дата обращения: 12 июля 2025).
- Хвостунова О.И. 2006. Эксперты как субъект публичного политического дискурса: становление и современные тенденции. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6: 104–106.
- Хрусталёв М.А. 2008. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 232.
- Шевчук Н.В. 2023а. Переосмысливая подходы к обучению переговорам в России и мире. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 17, 4(46): 163–176. doi 10.22394/2073-2929-2023-04-163-176
- Шевчук Н.В. 2023б. Экспертная дипломатия в урегулировании конфликтов: Приднестровье и Молдова. *Общественные науки и современность*, 6: 20–32. doi 10.31857/S0869049923060023
- Ярославцева Я.А. 2015. Специфика внешнеполитического дискурса. *Филология и культура*, 4(42): 185–191.
- Atamanenko A., Martyniuk N. 2022. Наукова дипломатія у глобалізованому світі: концептуалізація явища. *Acta de Historia & Politica: Saeculum XXI*, 04: 88–98.
- Axyonova V., Lozka K. 2024. Diplomacy beyond the State: Ukrainian Think Tank Experts as Wartime Diplomacy Actors. *European Security*, 33(4): 557–575. doi: 10.1080/09662839.2024.2350465
- Axyonova V., Schöppner F. 2018. Ukrainian Think Tanks in the Post-Euromaidan Period: Exploring the Field. *Civil Society in Post-Euromaidan Ukraine: From Revolution to Consolidation*: 215–240.
- Buzan B.G., Wæver O., de Wilde J.H. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London, Boulder, CO : Lynne Rienner, 247.
- Davidson W.D., Montville J.V. 1981. Foreign Policy According to Freud. *Foreign Policy*, 45: 145–147. doi:10.2307/1148317
- Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy. *Coordination. International Organization*, 46(1): 1–35.
- Palmiano Federer. J. 2021. Toward a Normative Turn in Track Two Diplomacy? A Review of the Literature. *Negotiation Journal*, 37.4: 427–450.
- Tuathail G.Ó., Agnew J. 1992. Geopolitics and Discourse. *Political Geography*, 11(2): 190–204.
- Зварич Р.Є., Хоменська І.В., Сегеда О.О. 2023. Детермінанти економічного партнерства України з країнами Близького Сходу в контексті розвитку публічної дипломатії. *Інноваційна економіка*, 2-2023: 135–141.
- Мадрига Т., Круглюк І. 2025. Політичні та правові аспекти розвитку публічної дипломатії України в контексті євроінтеграційних викликів. *Вісник Прикарпатського університету. Серія: Політологія*, 20: 272–281.
- Миронова М. 2023. Наукова дипломатія в системі торговельно-економічних відносин України та Європейського союзу. *Економіка та суспільство*, 53. URL: <https://economyandsociety.in.ua/index.php/journal/article/view/2632> (дата обращения: 17 июля 2025).
- Моїсєєва Т.М. 2023. Кримська платформа: від ідеї до установчого саміту. *Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Історичні науки*, 34, 1: 106–113.
- Романенко О.С. 2014. Роль епістемічних спільнот в інформаційно-аналітичній діяльності. *Медіафорум: аналітика, прогнози, інформаційний менеджмент*, 2: 193–207.
- Халецька А.А. 2023. Культурна парадипломатія в системі стратегічних комунікацій для післявоєнного відновлення. *Вісник Львівського університету. Серія філос.-політолог. студії*, 45: 125–134.

References

- Alikberov A.K., Numkin V.V. 2024. Diplomacy of the Second Track in the Format of Situational Analysis: The Experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. *Bulletin of MGIMO University*, 17(4):101–120. doi 10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120 (in Russian).

- Bakhriev B.H., Rustamova L.R. «Myagkaya sila» voennoy organizatsii: publichnaya diplomatiya NATO v Tsentral'noy Azii [The "Soft Power" of a Military Organization: NATO's Public Diplomacy in Central Asia]. *Tomsk State University Journal*, 458: 90–100. doi 10.17223/15617793/458/11
- Burlinova N., Chagina M., Ivanchenko V. 2021. Publichnaya diplomatiya Rossii v epokhu COVID-19. Ezhegodnyy obzor osnovnykh trendov i sobytiy publichnoy diplomatii Rossii v 2020 g.: doklad Rossiyskogo soveta po mezhdunar. delam (RSMD), doklad № 71/2021. M.: NP RSMD, 36 [Russia's Public Diplomacy in the Era of COVID-19. Annual Review of the Main Trends and Events in Russian Public Diplomacy in 2020: Report of the Russian Council for International Relations. Affairs (RIAC). Report No. 71/2021]. Moscow: NP RSMD, 36.
- Genyush S.V. 2012. Ekspertnaya diplomatiya: grazhdanskoe obshchestvo na sluzhbe vneshney politiki [Expert Diplomacy: Civil Society in the Service of Foreign Policy]. *Problemnnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Management Design]. 5, 5: 14–25.
- Dolinsky A. 2013. Publichnaya diplomatiya dlya biznesa, NKO i universitetov [Public Diplomacy for Businesses, NGOs, and Universities]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. 26.09.2013 [Russian Council on International Affairs. 26.09.2013]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-dlya-biznesa-nko-i-universitetov/?sphrase_id=202058715 (accessed: July 12, 2025).
- Kolosov V.A. 2011. Kriticheskaya geopolitika: osnovy kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii [Critical Geopolitics: Fundamentals of the Concept and Experience of its Application in Russia]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 4: 31–52.
- Leonov Yu.I. 2021. Ekspertnaya diplomatiya analiticheskikh institutov FRG i RF v period s 2014 g.: formy i napravleniya vzaimodeystviya [Expert Diplomacy of the Analytical Institutes of Germany and the Russian Federation Since 2014: Forms and Directions of Interaction]. *Rossiya v global'nom mire: novye vyzovy i vozmozhnosti : sbornik rabot IX mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–27 marta 2021 goda* [Russia in the Global World: New Challenges and Opportunities : Proceedings of the IX International Student Scientific Conference, St. Petersburg, March 25–27, 2021]. SPb.: OOO «Skifiya-print»: 312–322.
- Mukhametov R.S. 2018. The Place and Role of Non-Governmental Organizations in International Conflicts Management. *Discourse-P*, 1(30): 65–72. doi 10.17506/dipi.2018.30.1.6572 (in Russian).
- Sulakshin S.S., Genyush S.V. 2013. Model' ekspertno-diplomaticheskogo prodvizheniya natsional'nykh interesov [A Model of Expert-Diplomatic Promotion of National Interests]. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security], 1(21): 28–35.
- Taipova S.A. 2022. Osobennosti i problemy sovremennoy rossiyskoy diplomatii [Features and Problems of Modern Russian Diplomacy]. *Word in Science*, 9: 20–23.
- Khatkevich A.A. 2021. Ekspertnaya diplomatiya v ramkakh ShOS i BRIKS [Expert Diplomacy within the Framework of the SCO and BRICS]. *Lomonosov – 2021 : materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma, Moskva, 12–23 aprelya 2021 goda*. M.: OOO «MAKS Press» [Lomonosov – 2021 : Proceedings of the International Youth Scientific Forum, Moscow, April 12–23, 2021. Moscow: MAX Press LLC]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_22_22443.htm (accessed: July 12, 2025).
- Khvostunova O.I. 2006. Eksperty kak sub"ekt publichnoy politicheskogo diskursa: stanovlenie i sovremennye tendentsii [Experts as a Subject of Public Political Discourse: Formation and Current Trends]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 6: 104–106.
- Khrustalev M.A. 2008. Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. M.: NOFMO, 232.
- Shevchuk N.V. 2023a. Rethinking Approaches to Negotiation Training in Russia and other Countries. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 17, 4(46): 163–176. doi 10.22394/2073-2929-2023-04-163-176 (in Russian).
- Shevchuk N.V. 2023b. Expert Diplomacy in Conflict Settlement: Transdnistria and Moldova. *Social Sciences and Contemporary World*, 6: 20–32. doi 10.31857/S0869049923060023 (in Russian).
- Yaroslavtseva Ya.A. Peculiarities of Foreign Policy Discourse. *Philology and Culture*, 4(42): 185–191 (in Russian).
- Atamanenko A., Martyniuk N. 2022. Science Diplomacy in the Globalized World: Conceptualization of the Phenomenon. *Acta De Historia & Politica: Saeculum XXI*, (04), 88–98. doi 10.26693/ahpsxxi2022.04.088 (in Ukrainian).

- Axyonova V., Lozka K. 2024. Diplomacy beyond the State: Ukrainian Think Tank Experts as Wartime Diplomacy Actors. *European Security*, 33(4): 557–575. doi: 10.1080/09662839.2024.2350465
- Axyonova V., Schöppner F. 2018. Ukrainian Think Tanks in the Post-Euromaidan Period: Exploring the Field. *Civil Society in Post-Euromaidan Ukraine: From Revolution to Consolidation*: 215–240.
- Buzan B.G., Wæver O., de Wilde J.H. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London, Boulder, CO : Lynne Rienner, 247.
- Davidson W.D., Montville J.V. 1981. Foreign Policy According to Freud. *Foreign Policy*, 45: 145–147. doi:10.2307/1148317
- Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy. *Coordination. International Organization*, 46(1): 1–35.
- Palmiano Federer. J. 2021. Toward a Normative Turn in Track Two Diplomacy? A Review of the Literature. *Negotiation Journal*, 37.4: 427–450.
- Tuathail G.Ó., Agnew J. 1992. Geopolitics and Discourse. *Political Geography*, 11(2): 190–204.
- Zvarych R.Je., Homens'ka I.V., Segeda O.O. 2023. Determinanty ekonomichnogo partnerstva Ukrai'ny z krai'namy Blyz'kogo Shodu v konteksti rozvytku publichnoi' dyplomatii' [The Determinants of Ukraine's Economic Partnership with the Countries are Close at Once in the Context of the Development of Public Diplomacy]. *Innovacijna ekonomika [Innovative Economics]*, 2-2023: 135–141.
- Madryga T., Krugljuk I. 2025. Politychni ta pravovi aspekty rozvytku publichnoi' dyplomatii' Ukrai'ny v konteksti jevointegracijnyh vyklykiv [The Political and Legal Aspects of the Development of Ukraine's Puritanical Diplomacy in the Context of European Conflicts]. *Visnyk Prykarpats'kogo universytetu. Serija: Politologija [Bulletin of the Carpathian University. Series: Political Science]*, 20: 272–281.
- Myronova M. 2023. Naukova dyplomacija v systemi torgovel'no-ekonomichnyh vidnosyn Ukrai'ny ta Jevropejs'kogo sojuzu [Scientific Diplomacy in the System of Trade and Economic Relations of Ukraine and the European Union]. *Ekonomika ta suspil'stvo [Economy of the Suspension]*, 53. URL: <https://economyandsociety.in.ua/index.php/journal/article/view/2632> (accessed: July 17, 2025).
- Moisejeva T.M. 2023. Kryms'ka platforma: vid idei' do ustanovchogo samitu [The Crimean Platform: From Concept to Founding Summit]. *Vcheni zapysky Tavrijs'kogo nacional'nogo universytetu imeni V.I. Vernads'kogo. Serija: Istorychni nauky [These are the Notes of the Taurian National University named after V.I. Vernadsky. Series: Historical Sciences]*, vol. 34, 1: 106–113.
- Romanenko O.C. 2014. Rol' epistemichnyh spil'not v informacijno-analitychnij dijal'nosti [The Role of Epistemic Pills in Information Analysis]. *Mediaforum: analityka, prognozy, informacijnyj menedzhment [Media Forum: Analytics, Forecasts, Information Management]*, 2: 193–207.
- Halec'ka A.A. 2023. Kul'turna paradyplomacija v systemi strategichnyh komunikacij dlja pisljavojenного vidnovlennja [Cultural Diplomacy in the System of Strategic Communications for Public Renewal]. *Visnyk L'vivs'kogo universytetu. Serija filos.-politolog. studii' [Bulletin of the Lviv University. Philosophical and Political Science Studios Series]*, 45: 125–134.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 20.09.2025

Received: 20.09.2025

Поступила после рецензирования: 20.10.2025

Revised: 20.10.2025

Принята к публикации: 21.11.2025

Accepted: 21.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия

Oleg V. Onopko, Candidate of Sciences in Politics, Senior Research Fellow, Donetsk State University, Donetsk, Russia

 [ORCID: 0000-0001-5569-8256](https://orcid.org/0000-0001-5569-8256)